

МОЙ ЧЕРНОБЫЛЬ

(воспоминания Антоненко С.В., зам командира в/ч 32207 - отдельный батальон спец. защиты, ликвидатора последствий аварии на ЧАЭС). 31 августа по 06 ноября 1986 года.

ПРОЛОГ

Об аварии я узнал 26 – 27 апреля – до официального объявления. Первая мысль: начинается война (так нас учили на военной кафедре). Естественно, возник вопрос, как террорист мог взорвать ядерный реактор в режимной зоне. Оказалось, что это можно сделать сравнительно легко и успеть при этом самому покинуть зону. Но, поскольку не было других событий, подтверждающих эту версию, а правительство наконец-то сообщило об аварии (именно об аварии, а не о теракте), стало как-то спокойнее. Можно было понять, что на ликвидации её последствий будут сосредоточены необходимые ресурсы, специалисты и т.д.... Нельзя сказать, чтобы это сильно успокоило, но всё же – не война. К 10 мая поступило сообщение, что реактор заглушен, то есть, что вытекание радиоактивных веществ из него остановлено. Вот тут уже можно было вздохнуть с облегчением: Сахара и Сибирь серьёзно помогли нам в эти дни.

Сахара, Сибирь и авария

Казалось бы, какое отношение к аварии имеют африканская пустыня Сахара и Сибирь? А ведь именно их влияние практически спасло Киев и Поднепровье от заражения. Дело в том, что основные ветры на территории Украины летом дуют с Западной Атлантики: ровно вдоль Днепра. А как раз во время аварии ветер был с Юга, из африканской пустыни Сахара. Так в первые дни после аварии образовался так называемый «северный» след, который зацепил, в основном, Белоруссию. А затем ветер сменился на восточный, из Сибири. Так образовался «западный» след. Оба эти следа прошли по относительно малонаселённым территориям, большей частью – по Белоруссии и Полесью, по лесам и болотам. А если бы в это время дул «стандартный» северо-западный ветер, заражёнными оказались бы огромные территории вниз по течению Днепра, с городами и плотинами, с производственными мощностями и развитым сельским хозяйством. Тогда последствия аварии были бы гораздо страшнее. Так что можно считать, что в первые дни погода «сыграла за нас», а потом реактор уже удалось заглушить. Что, впрочем, не отменяло необходимости борьбы с последствиями самого заражения, охватившего значительные территории, а не только «тридцатикилометровую» зону. Фактически, в пределах этой зоны, в основном, выпали радиоактивные осадки, и она действительно представляла и представляет опасность. Остальные территории заражены гораздо слабее, так что там вполне возможно жить и работать. Разве что некоторые продукты нужно проверять на уровень радиоактивности.

Герои первых дней

Люди, работавшие на ликвидации последствий аварии в первые дни все до одного, по моему мнению, должны быть признаны героями. Потому что они, не зная истинной радиационной обстановки (а позже – даже зная её), шли «в наступление» на реактор, понимая, что это – их последний бой. Практически никого из этих людей уже нет в живых. В книгах пишут, в основном, о пожарниках, бросившихся тушить пожар на станции без малейшего представления о том, что там произошло на самом деле. Но мало кто вспоминает о вертолётчиках, «бомбивших» открытый реактор мешками с реагентами. О людях, вышедших на крышу хотя бы на минуту, о шахтёрах, рывших тоннель под реактор... Практически все они в итоге получили огромные дозы радиации. Но, не будь их подвига, мы бы сейчас, как говорят, уже светились бы по ночам. «Героями» в результате были названы, в основном, те, кто руководил этой операцией: меньше расходов на награды, да и приятнее самим себе звания раздавать. Единственное – подло по отношению к настоящим героям. Но такое чувство, как совесть, никогда не была ведущей добродетелью любого руководства, в любые времена и на любой земле... Об одних героях хочется рассказать особо: о тех, кто, рискуя здоровьем и жизнью, установил флаг на трубе 3-4 блоков. Пусть говорят, что этого можно было не делать. Пусть обвиняют тех, кто послал ребятам туда, откуда тяжело вернуться живым-здоровым. Этот подвиг был очень нужен. Флаг над трубой 4-го блока, как флаг Победы, оповестил всех нас и весь мир о том, что мы победили радиацию: прекратили её выброс в атмосферу. Что мир снова может спать спокойно: авария локализована. И сегодня, вспоминая те годы, я должен сказать, что флаг выполнил свои функции и как весть миру, и как мотиватор для тех, чей бой с радиацией продолжался.

Как я попал в Чернобыль

В конце лета меня вызвали в военкомат и сказали, мол, нужно ехать на ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС. К тому времени у меня за плечами уже была служба в Туркмении, свойства

радиации и способы защиты от неё я знал профессионально. Должность, на которую меня призвали – заместитель командира части, – была довольно высокой. А, самое главное, мне очень хотелось увидеть в натуре и атомную станцию, и аварию. Посмотреть на радиацию вблизи, чтобы мы с ней встретились не в учебной, а в реальной обстановке. Во многом из-за этого я, собственно, и не стал отказываться и придумывать причины (хотя причины не ехать у меня были). Предварительно уточнив у друзей то, чего я, возможно, не знал (а друзья подкинули несколько идей и несколько вопросов), я счёл себя готовым к поездке. Командировку мне выписали на 180 дней, хотя было известно, что среднее время пребывания на станции – не больше месяца, и зависит оно от полученной дозы облучения.

Прибытие

Принимали нас в Белой Церкви. Нашу одежду забрали и выдали воинское обмундирование. Новенькое, только со складов. И повезли в Ораное, которое военные почему-то упорно называли Ора́ным (с ударением на втором слоге). Оттуда всех развезли (или развели) по своим частям, а меня, уже поздно вечером, на специально вызванном «газике», отправили в другую часть. Как выяснилось позже, утром, приехал я «аж» за 200 метров от того места, где нас распределяли. А ехать пришлось минут 5! Дело в том, что эти 200 метров были метрами болота, пешком там можно было пройти, но машинам приходилось делать солидный крюк, чтобы попасть в это место. Собственно, часть и стояла на огромной «кочке» посреди болота, что в дальнейшем привело к некоторым последствиям... Встречал меня предыдущий командир части – кадровый офицер, интендант, отправленный в Чернобыль за какую-то провинность (многие из кадровых офицеров попадали туда именно по этой причине). Но это тоже стало понятно несколько позднее. Увидев меня, он очень обрадовался – замену ему искали, видимо, не один день, что такое радиация, он представлял себе достаточно слабо, работу в Чернобыле рассматривал, как способ «искупить эту вину» и поскорее окунуться в родную интендантскую службу, чтобы заработать новую. Вот этот-то интендант меня сразу и озадачил... Дело в том, что вышел приказ: часть остаётся зимовать. Зимовать в палатках было как-то неудобно, это я понял в первую же ночь, когда температура внезапно опустилась до -5 (напомню – на дворе был август). А материалов для строительства зимних домиков не было! Тем не менее, «образцовый домик» уже был построен моим предшественником. Было понятно, что и как должно быть в каждом таком домике, за что я этому предшественнику и благодарен до сих пор. Нужно было решить задачку: из чего строить остальное. Бравый интендант сказал мне: «А ты воруй!». «Как-то не облучен» - ответил я. В конце концов, оказалось, что всё не так уж и печально. Интендант – старый служака, – оказывается, договорился с окрестными предприятиями: мы им даём рабочую силу, а они нам – необходимые материалы. Правда, применить это решение мне так и не пришлось: на следующий день прибыли эшелоны с материалами, и строительство пошло по плану.

Техника безопасности

Естественно, в первый же день мне провели инструктаж по технике безопасности. Вполне простой и вразумительный. Первое – никуда без дозиметра, поскольку рядом с «чистыми» участками всё «грязное», любой шаг может оказаться шагом в больницу. Поэтому все перемещения – строим в колонну по одному по дезактивированным проходам. Второе – респиратор. Дело в том, что всё, попавшее в лёгкие, никуда из организма не выводится, а устраивать внутри себя «маленький ядерный реактор» – самоубийство. Поэтому в лёгкие, в любом случае, должно попадать как можно меньше пыли. Лучше трижды сменить респиратор, чем один раз надышаться радиоактивной пылью. Третье – «дырки». Любая стенка ослабляет радиацию, а любая «дырка»: окно, дверь, вентиляционное отверстие, просто пролом в стене – нет. Поэтому никогда не следует становиться напротив любой «дырки». Это правило я усвоил на станции так прочно, что вернувшись, ещё неделю автоматически становился за стенку, чтобы напротив меня не было «дырок». Потом прошло. Четвёртое – «кучи». Здесь та же история, что и с пылью: пока «кучи» нет – каждый элемент «фонит» сам по себе. Но стоит собрать из них «кучу», как интенсивность излучения резко возрастает и то, что было безопасным поврозь, становится источником гораздо более интенсивного, а значит, и более опасного излучения «в куче». Мои ребята всего один раз, при уборке машинного зала третьего блока с фоновым значением уровня радиации 1 р/ч, собрали «кучу» на 20 р/ч – ох, и досталось же им от меня! Пятое – «не клал – не трогай!» На станции масса интересных, полезных в хозяйстве, но радиоактивных предметов. Вот о них то и шла речь в этом пункте. Впрочем, реальный инструктаж был гораздо компактнее: это я позже объяснял солдатам за те 5 минут, пока вёз их до части, почему какое требование появилось. А там был перечень – и выполнять!

Первый выезд

В первый день я хотел увидеть станцию, но доехал только до Чернобыля – оформлять пропуск. Пропуск был красивый, с крупной красной надписью «ВСЮДУ». Как стало понятно позднее, кроме «сюды», в которую пропуск действовал, была ещё «туда», для входа в которую требовалась дополнительная печать на пропуске. Именно поэтому я не могу похвастаться, что лично видел высших руководителей ликвидации последствий аварии. Буквально на следующий же день мне довелось ехать на станцию – везти солдат на работу. Оказалось, что часть состоит в основном из водителей, а не из военных химиков-дозиметристов, как я ожидал, и что солдаты не ориентируются в том, что именно они делают, и как следует поступать в конкретных ситуациях. Вот тут пригодился и мой опыт, и общение с друзьями перед поездкой – у нас был час пути и я успел ответить на все возникавшие у солдат вопросы, основным из которых был «как скажется пребывание в Чернобыле на репродуктивных способностях?». По пути на станцию мы проезжали сёла, дома, во дворах которых уже много месяцев сохло бельё, оставленное эвакуированными жильцами, на подоконниках в горшках виднелись уже засохшие цветы. Зрелище – не для слабонервных, особенно, когда понимаешь, что это – надолго. Очень надолго... Дорога была тщательно вымыта. Со стиральным порошком. И её продолжали мыть: ведь каждая новая машина, уезжая со станции, везла с собой всё новые порции радиации. Хлестал дождь. Его капли, стекая с тента машины, лились прямо на фуражку. Замеры, сделанные позднее, показали, что фуражка в результате оказалась достаточно сильно загрязнённой альфа-частицами. Но – замеры делались позже, а пока на дождь никто не обращал внимания. Колючей проволоки и прочих «архитектурных излишеств» вокруг 30-километровой зоны не было: все и так ходили и ездили строго по дезактивированным проходам, мародёры в ту пору ещё побаивались наведываться в Зону. Прибыли на станцию. В воздухе пахло сухим электричеством, как будто рядом искрил какой-то мощный электрогенератор. Для человека знающего это означало, что воздух с радиоактивной пылью, снимать респираторы нельзя. В другие дни, когда этот запах не ощущался, можно было перекурить перед входом на станцию. Этот день, кстати, был единственным, когда мне показывали маршрут передвижения по станции. На удивление, я его запомнил с первого раза.

На станции

На станции мы попали к работнику, распределяющему прибывающих по рабочим зонам и ставившему задачу на день. Проинструктированный, чтобы работники станции лично доставляли нас к «точке старта», я не совсем понимал, зачем это нужно. Оказалось – нужно. Потому что, объясняя мне, как туда попасть, этот работник провёл рукой по тому месту чертежа, где был обозначен проём, и сказал уверенно: «Пройдёте здесь». Я удивился, как это мы пройдем метров 20 над пустотой (как выяснилось, этот проём был до земли, а речь шла о 7 этаже!). Работник сказал, мол, там пустоты нет, после чего, ткнув в чертёж там, где была обозначена сплошная стена, сказал «И вот здесь выйдете на лестницу». Поскольку ни мне, ни моим подчинённым сквозь стены ранее ходить не удавалось, пришлось всё же настоять на том, чтобы он лично отвёл нас к «точке старта» – чистому участку станции, откуда уже следовало выходить на рабочие места. Такие ситуации возникали довольно часто: работникам станции не очень хотелось ходить по «грязному», а чертежи станции мало соответствовали реальности. Впрочем, с маршрутами по станции тоже происходили какие-то мистические вещи. Только вчера тебе показывали безопасный маршрут, по которому нужно было идти, и вдруг сегодня маршрут радикально изменялся: по тому маршруту, что вчера, идти было уже нельзя, и прокладывался новый, который назавтра тоже менялся... Вспомнился «Пикник на обочине» братьев Стругацких. Впрочем, всё, что происходило на станции, очень напоминало сюжет Стругацких, которым я благодарен за точное описание ряда моментов, которые я там встретил как уже известные. Например, рядом с маршрутом, по которому мы ходили каждый день, стояло рядом 5 БТРов. Мы обходили их ежедневно. Но никто даже не пытался пройти МЕЖДУ ними – это было опасно из-за высоких уровней радиации на броне. В другом месте приходилось бежать от пролома в стене до дверей из-за непонятно откуда взявшегося излучения. Потом выяснилось, что виной всему был упавший с какого-то грузовика «мешок с рентгенами». Мешок убрали, и по тому же проходу стало можно идти, а не бежать. А по некоторым коридорам станции стало можно передвигаться только тогда, когда на окнах появились «свинцовые занавески» из пятимиллиметровых листов свинца. Выходя из зоны работ, мы обязательно проходили дозиметриста, который, измерив уровни радиации на одежде, определял, «чистая» она или «грязная», после чего одежда попадала в соответствующий контейнер, а голые мы – в душ. После душа следовал ещё один дозиметрический контроль, определявший, «чистый» ты или «нечистый». «Нечистые» возвращались обратно под душ, а чистые могли получить новый комплект обмундирования, в котором и ехали обратно в часть. Когда новые комплекты кончились, их место заняли стиранные «чистые» комплекты. Специфическая ситуация была также с респираторами. Их на станции было множество видов: от военного «намордника» из зелёного полиуретана до медицинских масок – белых или цветных. Мы всегда старались получить белые маски из «ткани Петрянова», которые фильтровали частицы, начиная с 5 микрон, потому что знали – остальные респираторы такие частицы пропускают...

Дозы, дозиметры, дозиметрия

К тому времени, когда я приехал на станцию, медики уже додумались ограничить суточную дозу облучения. Исходя из того, что допустимая аварийная доза облучения равна 25 р/год, для ликвидаторов был установлен именно такой предел – 25 р за время командировки. Я здесь и далее пользуюсь привычными для меня рентгенами (хотя, в соответствии с СИ, должен был бы пользоваться зивертами). Просто все наши приборы были отградуированы именно в рентгенах, да и единица «рентген», на мой взгляд, удобнее «зиверта», поскольку она более «человечна», больше привязана к реальным нуждам, чем формально корректный «зиверт». Вообще говоря, 25 рентген – весьма «щадящая» доза для организма. Ведь у профессионального рентгенолога допустимая доза облучения 5 р/год, т.е., за срок работы он получает около 50 р. Разница только в том, что получает он их за более длительное время. Для нас с учётом работы на станции была установлена доза в 1,95 рентгена в сутки, позволявшая сделать около 12 выездов на станцию. Так вот, у нас в части было принято, что такую дозу человек должен был получать раз за двое суток (с учётом работы на станции). Смены расставлялись соответствующим образом, чтобы организм мог отдохнуть и принять какие-то меры по собственному восстановлению. А фоновый уровень облучения в части составлял доли рентгена, но тоже учитывался при расчёте суточной дозы. Таким образом, среднее время «сгорания» персонала было около 25 дней. С учётом этого рассчитывались сроки замены. Сам я выезжал на станцию реже. Сначала – для контроля работы дозиметристов и в наиболее опасные рабочие зоны, позднее – при задержке замены, когда офицеры «вырабатывались», а группы на станцию нужно было везти. Поэтому моё пребывание на станции и растянулось на 2,5 месяца. За время моего пребывания на станции через нашу часть прошло около 1000 человек. Для измерения полученной дозы и уровня излучений на станции было множество приборов самых разных производителей, начиная от «штатных» советских и кончая экспериментальными из разных стран мира. Но доверять им было можно только с большими оговорками. Для контроля качества приборов у нас служила «грязная» машина, вывезенная из предыдущего места дислокации части с говорящим названием Страхолесье. «Под брюхом» у этой машины интенсивность излучения составляла 1 р/ч. Наилучшими, в итоге, оказались приборы ДП-5 различных модификаций: каждый из них стабильно показывал этот самый 1 р/ч, когда его засовывали «под брюхо» нашей машины. Остальные приборы давали настолько различающиеся показания, что мы очень быстро отказались от их использования, понимая, что показывают они «день рождения бабушки», да и то непонятно, чьей. Основным дозиметрическим прибором для работников был так называемый «слепой» дозиметр, показания которого можно было считать, только вставив его в «читающий» прибор. Сделано это было после того, как обнаружилось, что наиболее «хитрые» из служащих по дороге останавливали машину, забрасывали дозиметр на верёвке в сильно радиоактивную траву на обочине и, убедившись, что «набрали» достаточно, спокойно ехали в часть. Там, естественно, удивлялись, где они нашли такие дозы, но, делать нечего, записывали показания и отправляли «хитрецов» домой буквально после 2 – 3 выездов на станцию. У офицеров были показывающие дозиметры, они видели полученную дозу, просто заглянув в окуляр. Это было необходимо, чтобы при ошибке дозиметриста можно было её обнаружить прямо на месте. Но таких ошибок практически не было – дозиметристы тоже хотели жить. Другим обязательным прибором был дозиметр для высоких доз. Это был кусочек специального стекла в металлическом чехле. Отличительным признаком этого дозиметра было то, что разовых доз менее 10 р он просто «не чувствовал»: мой дозиметр показывал поглощённую дозу в 0 рентген даже когда я уезжал со станции. Необходимость в таких дозиметрах была у тех, кто выходил на крышу, каждый шаг по которой мог дать более 10 р, и для аварийных ситуаций, когда человек каким-то образом попадал под мощное излучение или слишком долго оставался в опасной зоне (например, терял сознание). Основными «испытателями» приборов были высшие офицеры и чиновники всех рангов. Каждый из них считал необходимым обвешаться максимальным количеством разных дозиметров. На глаз даже можно было определить примерно ранг военного или чиновника. Если шёл человек, и у него было всего 2 штатных дозиметра – это был рядовой. 3 дозиметра обозначали офицера. Ну а высокое начальство было увешано дозиметрами, как новогодняя ёлка. Причём, чем меньше человек разбирался в радиометрии, тем больше разных дозиметров на нём висело. И самое смешное, тем меньше он понимал, какую дозу он получил на самом деле.

Радиация

На военной кафедре в химико-технологическом институте нас учили, что радиация не имеет ни цвета, ни вкуса, ни запаха. На станции я убедился – имеет. Как минимум, запах. То есть, запах имеет ионизированный радиацией воздух. Пахнет «сухим электричеством». К сожалению, мне так и не удалось установить, начиная с какого уровня облучения, возникает этот запах. Но мы на станции уже привыкли: пахнет «радиацией» – проверь, уровень обязательно будет повышенным. Другим «сигналом» от радиации был сухой кашель. Довольно скоро я обратил внимание на то, что люди,

находившиеся на станции достаточно долго, подкашливают. Через некоторое время стало понятно, что такое покашливание возникает у тех, кто уже получил дозу около 10 р. А получив «свои» 10 р., я и сам начал подкашливать. Объясняется это просто: под действием радиации человек загорает, примерно так, как на пляже. Но с одной разницей: он загорает не только «снаружи», но и «изнутри». И обожжённые слизистые как раз и вызывают такое покашливание. Все возвращались из Чернобыля загорелыми, как будто отдыхали на южных курортах. Но медики и радиологи знали, что это – «ядерный» загар, результат воздействия радиации на человека.

Люди

Как я уже писал, через нашу часть прошло около 1000 человек. Несмотря на то, что большинство из них мало разбиралось в радиационных вопросах (более-менее в курсе были только офицеры-дозиметристы, тоже, как правило, сталкивавшиеся с «живой» радиацией впервые), все понимали, что именно от нас зависели судьбы страны и мира. Нужно сказать, что понимание важности работы, которую мы делали на станции, делало людей очень понятливыми, сообразительными и предприимчивыми. По крайней мере, управление 350 человеками в смену не было тяжёлой задачей: каждый понимал, зачем он здесь, что он делает, и что будет, если он этого не сделает. Люди работали на совесть, потому, что она у них была. Из 1000 человек всего у одного возник стойкий психоз, связанный с опасностью облучения. Этого человека мы вынуждены были на второй же день отправить домой... станцию он так и не увидел. А некоторые, напротив, старались остаться подольше. Был, например, один парень – сирота, холостяк, которого никто не ждал дома. Он, даже набрав свои 25 рентген, писал заявления, чтобы его оставили на станции в любом качестве – на станции он ощущал свою нужность. Был и ещё один примечательный человек – бывший заключённый, рецидивист. Через весь живот у него шла татуировка «Всю жизнь на тебя работаю», на ногах красовались татуировки «Они устали»... Этот человек виртуозно управлялся с любой техникой, умел практически всё, что было нужно. Именно он с помощью экскаватора «забивал» в болото столбы, обозначавшие «главный вход» в нашу часть, и с помощью того же экскаватора установил на них поперечную балку для того, чтобы «ворота» выглядели «как настоящие». Он с удовольствием работал, ощущал всю полноту жизни именно там, на станции. Ведь дома, скорее всего, его тоже никто не ждал, да и работу по своим способностям найти рецидивисту было бы непросто. К сожалению, все списки людей, работавших в нашей части, были «грязными», вывозить их из зоны не разрешалось. Поэтому в памяти остались люди с их делами, но без имён. Ещё в памяти остался уникальный дозиметрист, который уехал через несколько дней после моего приезда (всего несколько дней, но помню до сих пор). Этот дозиметрист мог «на слух» (по щелчкам в наушниках) определять интенсивность излучения даже тогда, когда на приборе она устанавливалась только через 30 секунд после начала замера. И ещё один – главный радиолог Кривого Рога, - от которого я узнал нечто новое для себя из области радиологии. Из командиров части запомнились двое, но по-разному. Первый из них – тот, кто нашёл и убрал «мешок с рентгенами», – тоже, к сожалению, уже заканчивал свою службу, когда я приехал. Запомнился он как компетентный специалист, хорошо знавший и понимавший то, что делалось на станции и вокруг неё. А второй – лётчик, судя по погонам, – запомнился в основном тем, что при нём основные работы легли на меня, а он в это время, скажем так, «лечился»... Кстати, благодаря этому обстоятельству я запомнил одного из наших командиров. В часть постоянно приезжали всевозможные проверяющие: от станции, от Зоны, от министерства... В один из дней дежурные на проходной насчитали их аж 28 человек (и это за один день!!!). Вот среди этих проверяющих был один – белорус по происхождению, – который внёс существенный вклад в ускорение строительства зимних домиков: он посоветовал отдельно собирать щиты, а отдельно – крепить их и заполнять утеплителем. По его словам, именно по такой технологии строили у него на родине. Это был единственный проверяющий, принесший реальную пользу своей проверкой, чем и запомнился. А ещё запомнился сатирик Аркадий Арканов – единственный артист, который, в отличие от всех остальных, предпочитавших выступать на Зелёном Мысе, в благоустроенной базе отдыха, доехал до нашей части и сам дал большой сольный концерт в поле, при свете фар наших машин. Большое спасибо ему за реальное поднятие духа наших бойцов, за то, что, несмотря на предшествовавший концерт на Зелёном Мысе, он нашёл в себе силы добраться до нас и в одиночку «вытащил» сольный концерт, за который, как я сейчас понимаю, не получил ни копейки дополнительного гонорара.

Животные

Даже там, где дислоцировалась наша часть, животных не было. Не пели птицы, не было даже насекомых, которые, казалось бы, в отсутствие естественных врагов, должны были расплодиться в огромных количествах. Но всё же животные в нашей части были. Неизвестно откуда взявшиеся в части радиоактивные петух и курица вели себя вполне прилично: гнездились где-то в кустах на территории части, пели по утрам, к людям близко не подходили. Солдаты подкармливали их, и им

для жизни этого вполне хватало. Правда, яиц курица по какой-то причине не несла. То ли радиация подействовала, то ли у петуха что-то не получалось. А может, мы просто не находили мест, где она эти яйца несла. Я приехал – петух с курицей были, я уехал – они остались. А однажды в нашу часть забрела крупная собака. Она покачивалась при ходьбе, было видно, что она с трудом ходит из-за общего плохого состояния. Мне жаль её до сих пор. Она пришла и остановилась в 5 метрах от ближайшего человека. И ждала. Дозиметриста, несмотря на угрожающего вида «клюку» дозиметра, подпустила к себе безоговорочно. Тот, измерив собаку, только покачал головой – 100 р. на поверхности тела. Это значило, что у собаки жесточайшая лучевая болезнь... Единственное, чем мы могли помочь ей – это накормить. Когда собаке подали миски с едой и водой, она подождала, пока люди отойдут, и только потом принялась за еду. Было впечатление, что она чётко понимает ситуацию, понимает, что мы не можем ей помочь, понимает, что она не может остаться в части... всё понимает. Только сказать не может.... Отобедав, собака в последний раз с благодарностью посмотрела на нас и ушла. Больше мы не видели её ни живой, ни мёртвой.

«Инженеры»

В составе зимнего городка, который мы строили, проектом было предусмотрено овощехранилище. Нужно сказать, что из 2,5 месяцев, которые я провёл в Ораном, 2 месяца осадков не было. Ни капли. То ли погода выдалась такая, то ли авиаторы удачно «осаживали» осадки где-то в других местах, распыляя «сухой лёд» над облаками. Так вот, питерские инженеры, авторы проекта этого овощехранилища, решили сделать его заглублённым. На болоте. Я ходил к инженерам зоны, доказывал им, что так делать нельзя, что после первого же дождя в хранилище всё будет плавать. Не помогло. Они мне отвечали, что провели исследования (провели, но летом, когда осадков не было, и уровень грунтовых вод понизился). А поскольку всё на станции контролировалось, пришлось выкопать яму и создать заглублённое овощехранилище. Однако первый же дождь превратил его в «водохранилище», в котором плавали уже частично загруженные овощи. Я специально пригласил представителей проектировщика полюбоваться на плоды трудов их «праведных». Они, конечно, извинялись, но мне, честно говоря, было стыдно смотреть в глаза моих подчинённых, потому что я так и не отстоял другого варианта. Пришлось срочно закапывать яму и строить овощехранилище «как положено», выше уровня болота.

Награды

Во всех (или, по крайней мере – во многих) частях в Чернобыле каждый отъезжающий командир считал своей обязанностью наградить лучших. Наградой была «Благодарность участнику ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС». Внутри неё было чёрно-белое изображение части АЭС (впоследствии заменённое цветным, сделанным с вертолёта снимком почти всей территории АЭС) и стандартный текст. Так как я был на станции 2,5 месяца, таких грамот у меня набралось 5, правда, одна без печати части. Обещалась мне и медаль, но, поскольку я нечаянно «перебрал» 0,17 рентгена, где-то наверху решили медаль мне не давать... Так я второй раз в жизни остался без обещанной медали за вполне честно заработанные заслуги.

Отъезд

Смена, как обычно, задерживалась. На станцию меня уже не пускали – разве что на совещания, где присутствие было почти обязательным. И, тем не менее, день отъезда «случился» неожиданно. Пока я передавал смену, рассказывал сменщику, что к чему, вдруг оказалось, что машина уже ждёт одного меня, что все уже готовы... Ребята лихорадочно дописывали на бланке с надписью «Благодарственное письмо» (другой бумаги под рукой не нашлось) свои координаты для связи. Этот бланк и сейчас хранится в моих архивах, и даже не все адреса и имена на нём я сегодня могу разобрать. Пришлось очень быстро сворачивать всё и прыгать в машину. В Белой Церкви – переодевание в «своё», «домашнее». Сразу стало так хорошо – еду домой! Но не только это. Выйдя, уже переодетый, из части, я встал на обочине дороги и с огромным удовольствием несколько минут простоял, вдыхая пыль от грузовиков. Чистую!!! Не радиоактивную!!! А потом ещё неделю дома становился за стенки, вызывая улыбки окружающих. А потом поехал отдыхать и отсыпаться. Так для меня закончилось пребывание на Чернобыльской АЭС, на ликвидации последствий крупнейшей в мире на то время ядерной аварии. А через год я написал песню. Не то, чтобы о Чернобыле: это была скорее фантастическая версия на тему «что могло бы быть». Песня заняла первое место на областном конкурсе авторской песни 1987 года по разделу «авторы». Говорят, потом её пели в зоне, как «народную».

Байки

В этом разделе я постарался собрать те случаи, о которых я слышал на станции и позднее – от своих коллег, там побывавших. Часть событий происходила при моём непосредственном участии. Возможно, среди них есть и анекдоты, но вряд ли – жизнь часто богаче любого анекдота... Итак...

Увидеть реактор и умереть

Говорят, что один из «бойцов» решил посмотреть на реактор вблизи. С этой целью он проник туда, куда никто до него не ходил, взглянул на зеленоватое месиво на месте реактора... и осел, уже мёртвый, под стену (доза свыше 10000 р/ч вызывает так называемую «смерть под лучом», а там, судя по всему, было не меньше). Обнаружив отсутствие бойца, командир отправил отряды на поиски. Более умные товарищи, обнаружив тело, не стали разглядывать реактор, а просто вытащили товарища из опасной зоны. Спасать его было поздно...

«На память»

Ещё один случай, поражающий своей дикостью. Рассказали дозиметристы станции. Уровень радиации возвращающихся они измеряли от «условного нуля» – отметки, на которой находился фон на станции. Так вот, после появления очередной группы, работавшей на крыше, у дозиметристов «поплыл ноль». С точки зрения дозиметриста, такое могло случиться, или если произошёл массовый выброс радиации (Ещё один взрыв? Но нет звука...), или... Дозиметрист выставил новый «ноль» и стал проверять входящих. Первый – «грязный» (с крыши «чистыми» обычно не приходили), второй – «грязный», третий – ... «зашкал» (то есть, уровень радиации больше диапазона измерения). Переключение диапазона – «зашкал», новое переключение – снова «зашкал», последнее переключение (на диапазон 0 – 200 р) – опять «зашкал»... Тут до дозиметриста начал медленно доходить смысл ситуации. «Что несёшь?» – спросил дозиметрист. «Вот» – ответил «боец» и достал из брючного кармана... кусок реакторного графита (тысячи рентген на поверхности!!!). – «Зачем ты это взял?». – «На память...». – «Отнеси на место» – самое разумное, что мог сказать дозиметрист в этой ситуации. А что он ещё мог сказать человеку, фактически «сварившему» собственные внутренности огромной дозой радиации. Естественно, «бойца», после того, как тот вернул графит на место, немедленно отправили в госпиталь, но вряд ли его смогли спасти... У меня дома, как ни странно, тоже есть камешек «на память» со станции, но у него совсем другая история. Для ремонта ступенек центрального входа станции перед приездом какого-то очень высокого начальства привезли новый лабрадорит. Кусочек этого лабрадорита (кроме всего, предварительно проверенный дозиметром) и хранится у меня дома.

Роботы

Эту байку мне рассказали ребята-офицеры, водившие бойцов на крышу. Крыша была самым «грязным» местом, поэтому именно туда направляли телеуправляемых роботов. Наш робот управлялся теми операторами, которые готовили «Луноходы» и имели представление о том, как робот выполняет команды на практике. Сам робот имел двойное управление: по радио и по проводам. Считалось, что по радио роботом можно управлять, пока помехи от радиации не начнут «забивать» сигнал. А по проводам – в оставшееся время. Фактически, опыт операторов не сильно помогал им в сложной обстановке крыши. Кончилось тем, что робот, как говорили, «покончил жизнь самоубийством» – он просто свалился с крыши (это с высоты 17-этажного дома), не отреагировав на очередную команду. Так вот, именно в это время в зале управления была партия бойцов из Средней Азии. Один из них, услышав о том, что робот упал с крыши, поинтересовался: «А робот с крыши падает, он разбивается, да?». На что руководитель группы, офицер, не поворачивая головы, ответил: «Нет, он встаёт, отряхивается и лезет снова на крышу», чем вызвал дружный хохот всей команды. Конечно, не только мы умели строить роботов. Поэтому через какое-то время (а может, и одновременно с нашим) на крыше появился другой робот – японский. Когда его выпустили на крышу, он прошёл несколько метров... и начал пятиться назад. На вопрос наших специалистов, что это он такое делает, японцы честно ответили, мол, он не работает там, где уровень радиации превышает 800 р/ч, то есть... на крыше. Больше к «японцу» вопросов не было, о его дальнейшей судьбе я ничего не знаю. Но точно уверен – то, что делалось в СССР, было наилучшим, как бы кто бы меня ни пытался убедить в обратном: наш робот работал, а не искал себе лучших условий.

300 р/ч

Историю про 300 р/ч мне рассказал мой учитель по «Школе юных химиков» и коллега по работе на станции Валерий Павлович Педан. Возвращается боец-дозиметрист с крыши. «Сколько?» – спрашивают у него. – «300» - не моргнув глазом отвечает боец. «Как 300? – изумляется командир, – У тебя дозиметр до 200!». – «Ну, зашкалило, значит 300». – «А что ты мерил?». – «Да трубку блестящую. Там из неё ещё порошок сыпался... тёмный такой...». – «Ага, понятно, сборку ты мерил, иди отсюда. И завтра – домой» – сказал командир. А что он ещё мог сказать, если на поверхности сборки, по ГОСТу, 10000 р/ч, а совсем не 300, как «намерил» ничего не понимавший в радиации боец. Хорошо ещё, что умный командир попался – ведь за этим бойцом могли пойти другие, не подозревая, какие «300 р/ч» их подстерегают...

Перекур

Рассказывал один из дозиметристов. Работают ребята на станции. Уровень радиации позволяет работать спокойно, время есть. Начальники отошли покурить. Подошёл и дозиметрист. Понюхал

воздух – слышит, «прёт» радиацией. Достал дозиметр – всё нормально. Осмотрелся – увидел «дырку» под потолком. Оценил направление луча, поднял «кляку» дозиметра – 100 р/ч. А прямо в луче стоят «господа офицеры», перекуривают. Подошёл к ним дозиметрист и показал, что на приборе. После этого он даже не успел понять, куда они делись – с такой скоростью они разбежались в разные стороны. Ну и, конечно, бойцов предупредили, чтобы под луч не совались...

200 р/ч

Истории про 200 р/ч мне рассказали мои подчинённые (в эти моменты меня на станции не было, и я узнавал новости от них). Пришлось нашим ребятам убирать радиоактивные мешки с уровнем радиации на поверхности около 200 р/ч. Мешок нужно было взвалить на спину и через 30 метров сбросить в приёмник. Разрешённое время работы – около 25 секунд, но на одежде остаётся радиоактивная пыль от мешка. Пришлось организовать работу таким образом: боец берёт мешок, сбрасывает его в приёмник, срывает с себя куртку и полуголый несётся в душ, держа куртку на вытянутых руках. Вторая история про 200 р/ч. Нужно было пробить перфоратором межэтажное перекрытие, вставить туда трубу и соединить её с предыдущим участком трубопровода (по этой трубе потом подавался цементный раствор для заливки помещения, чтобы создать защиту от излучения). На входе в комнату становился дозиметрист, и каждые 20 секунд командовал: «Закончить! Следующий!». В течение 25 секунд каждый работал перфоратором, а потом уходил в безопасное место. Последние принесли и закрепили трубу. И всё это – за считанные минуты. «На гражданке» такая работа выполнялась бы, наверное, полдня.

«Хозяйственник»

Об этом случае мне рассказали, как только я приехал в часть, благо участники истории (кроме главного «героя») были ещё на месте. Служил, говорят, в части излишне хозяйственный боец. Проходя по станции, он обнаружил спокойно лежавший на полу алмазный отрезной круг. Ну как же можно хозяйственному мужику спокойно смотреть, как зазря пропадает такая дорогая и полезная вещь? Забрал. Как он её пронёс через дозиметристов – до сих пор загадка, но пронёс. Принёс в часть. Куда деть? А вдруг украдут? Спрятал. К себе под подушку. Наутро встал, сделал шагов 10 по части... и упал. Ребята срочно позвали врача, врач – дозиметриста (того самого, с «ушами»). Дозиметрист вошёл в палатку и мгновенно указал, откуда «фонит». На поверхности круга прибор показывал 15 р/ч. То есть, за 8 часов сна наш «хозяйственник» получил дозу облучения мозга более 100 р, а это уже – лучевая болезнь 1 степени. Круг, естественно, тут же отправили на захоронение, а «хозяйственника» - в госпиталь. Больше в часть он не вернулся.

«Стакан»

Говорят (не видел, не проверял), что вокруг станции в радиусе примерно 5 км, создан глиняный «стакан», идущий от поверхности земли до гранитов Украинского кристаллического щита. Создан он для того, чтобы подземные воды не разносили радиацию по окрестностям. Я верю, что такой «стакан» существует. Единственное, что меня занимает – что будет, когда осадки и грунтовые воды переполнят этот «стакан»... Хотя, опять же, по слухам, есть станции, откачивающие и очищающие воду из этого «стакана».

Ворота

Как я уже упоминал, въехать в нашу часть можно было только с одной стороны. Очередная проверка решила, что въезд в часть нужно как-то обозначить, поставить ворота (представьте картинку: болото, посреди – ворота!). Ну что ж, скомандовали – нужно выполнять. Взяли мы три столба, и... как их вкопать? Выручил наш «на все руки мастер». Заточите, – говорит, – столб. Заточили. А теперь, – говорит, – держите вертикально, сейчас мы его «забьём». Сел за рычаги экскаватора, подъехал, нажал на стоящий вертикально столб сверху и... столб вошёл в грунт. Таким же образом «забили» и второй столб. А потом наш мастер попросил положить бревно и посадить трёх человек в ковш, поднял всё это на высоту столбов – и сверху легла перекладина. Люди были аккуратно спущены на землю, взяли металлические скобы, снова поднялись наверх и закрепили поперечину. Получился «парадный вход». Единственная беда – не очень «парадного» вида. Но это быстро исправили. Буквально на следующий день ребята привезли со станции (и где они её там нашли?) бидон красивой голубенькой краски. И не простой, а эпоксидной, какими красят реакторы. И с помощью того же экскаватора покрасили. Через годы я гордо говорил тем, кто побывал в Чернобыле: «Видели ворота посреди болота?». И, получив утвердительный ответ, добавлял: «Это часть, в которой я служил!!!».

Спирт

Естественно, с подачи А. Галича, все уже много лет знали, что «...«Столичная» очень хороша от стронция». И некоторые активно этим пользовались. Попав в Чернобыль, я первым делом уточнил у нашего медика (того самого, главного радиолога Кривого Рога), как соотносятся друг с другом спирт и радиация. На что он мне честно сказал, что примерно 20 мл спирта в сутки действуют так же, как... простуда. Когда я потребовал объяснений, всё оказалось просто. Как действует радиация на организм? Угнетает производство лейкоцитов. А простуда? Увеличивает их производство. Выходит «так на так». Но – если доза не превышает 20 граммов в сутки!!! Хотя можно, конечно, прибегать к такому методу «лечения», но от него больше вреда, чем пользы. А однажды у меня появилась возможность подсчитать запасы спиртного в зоне. Среди ночи я услышал шум мотора. Понимая, что

в это время машины никуда ездить не должны были, я вышел из домика и обнаружил автобус. Оказывается, мои подчинённые «втихаря» смотались в Киев и закупили спиртного. Прикинув количество спирта, которое они привезли, добавив к этому количеству спирта, хранившегося у офицеров и пересчитав всё это на абсолютный спирт, я пришёл к малоутешительному выводу, что в зоне находится 20 тонн спирта, или по литру абсолютного спирта на каждого, пребывающего там. Конечно, вряд ли весь этот спирт выпивался за 1 день (тогда бы трезвых в зоне просто не было), но стало понятно, что запасы были немереные. А самое интересное, что пьяных практически не было. Каждого, кто пытался проехать в зону в пьяном виде, немедленно отсылали домой. Да и в частях выпивка не приветствовалась. Что, впрочем, не уменьшало результата моих расчётов...

Стимуляторы

Ещё одно интересное явление я пронаблюдал в Чернобыле. Все мы работали на станции, потом строили зимний городок – и при этом нам хватало примерно 4 часов, чтобы полностью выспаться и восстановить силы. Оказывается, низкие дозы радиации неплохо стимулируют организм. Всю силу этого стимулирования (с обратным знаком) я прочувствовал, когда вернулся из Чернобыля. Спать хотелось так, что практически всё время, отведенное мне на отдых после Чернобыля (по путёвке), я проспал на берегу Чёрного моря в персональном домике... Да и память работает лучше – всё быстрее «схватывается» и лучше усваивается, особенно то, что касается оперативной памяти. Наверное, и «выветривается» быстрее, но этого я прочувствовать не успел. А ещё в Чернобыле я видел огромные плоды – яблоки, груши... Они висели на деревьях до поздней осени. Такие крупные плоды я раньше видел только на сельскохозяйственных выставках. А здесь они были в изобилии. Радиация, опять-таки, подстегнула какие-то процессы при созревании плодов – поэтому они и стали таким крупными. Правда, вдобавок ещё и радиоактивными...

Грибы

Часть не называю – поймёте, почему. Нашли ребята в лесу около части полянку. А на ней грибов – видимо-невидимо. И все такие хорошие, крупные, не червивые. Набрали два ведра. А есть боязно – вдруг радиоактивные. Принесли своему радиологу – померяй, мол. Тот померил – вроде чистые. А потом им и говорит: «Ведро мне сразу, а что делать со вторым ведром – скажу потом». Ребята пожалели плечами, но ведро грибов отдали. А радиолог их – в муфельную печь. Сжёл на угольки. Измерил активность угольков, активность печи после «грибочков» – и выдал заключение: «Есть можно!». Тут же их и съели. И стали время от времени наведываться на «заветную» полянку за грибами. А один мудрец решил и домой засушить – на зиму. Только не доехали те грибочки до дому: отобрали в Белой Церкви на обратном пути... Что «чистое» в зоне – не обязательно считается таким же чистым за её пределами. Но сами «грибники», насколько мне известно, живы и здоровы по сей день.

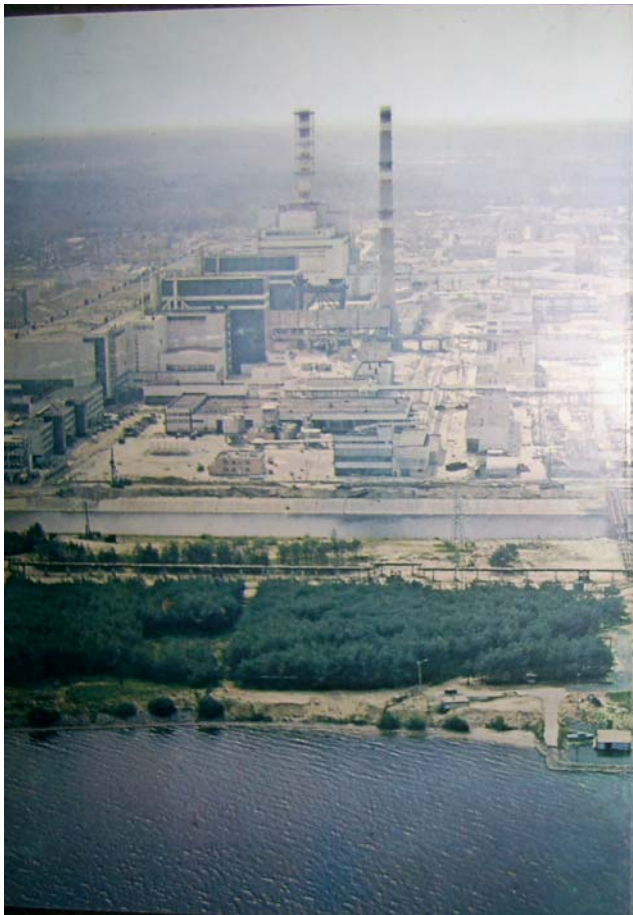
«Живая» радиация

Среди профессионалов, работавших на станции, было немало людей, ставивших там научные эксперименты (шутка ли – такая возможность!). Один из них «развлекался» тем, что ежедневно, в одно и то же время измерял уровень радиации на одном и том же месте одной и той же лужайки. Но однажды он померил не вовремя... С этого момента началась его исследовательская работа. А наблюдалось следующее. С утра, пока лежала роса, уровень радиации был ниже среднего. Роса испарялась – уровень повышался. Выпадал дождь – уровень снова ненадолго понижался. Потом опять повышался. Стал он думать, отчего бы это – и додумался. Всё оказалось сравнительно просто. С утра роса «смывала» радиацию с поверхности земли в более глубокие слои. Потом влага испарялась, и растения, как насосы, «выгоняли» радиацию снова на поверхность. Дождь действовал также, но уже непосредственно на землю. Влага сначала смывала радиацию в глубину, а потом,, испаряясь, снова выносила её на поверхность. Вот что значит исследователь! В самом обычном месте, буквально под ногами, он не только обнаружил ранее неизвестное явление, но и сумел понять его механизмы.

Имена

Вот имена моих начальников, оставшиеся у меня на грамотах, полученных за время работы в Чернобыле, и имена тех людей, которые оставили свои следы на бланке «Благодарственного письма»: генерал-майор В. Сидоров, генерал-майор И. Лимаренко, генерал-майор В. Парафейников, полковник В. Томашкевич, полковник М. Кушнир, полковник В. Проскурин, подполковник Кондаков, майор Щербинин, начфин П.И. Клименко, капитан Педан Валерий Павлович, младший лейтенант Викулов, С.Д. Демьяник, В.П. Викера, Николай Андреевич Карпов, Виктор Абдурашитов, Борис Виевский, В. Пуцко. Да простят меня остальные, их подписи сегодня для меня представляют загадку... Конечно, в архивах части должны быть все имена, это только те, что остались у меня в бумагах. Но я рад, что могу назвать хотя бы часть тех, с кем вместе мне выпала честь работать в Чернобыле. Рядом со мной всегда были настоящие люди, каждый из которых был готов выполнить в интересах своей Родины любую задачу. И это – не красивые слова. Эти люди были (и, надеюсь, остаются) именно такими.

За нашу Советскую Родину!

Товарищу старший лейтенант

АНТОНЕНКО СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

Выполняя задание Советского правительства в необычно сложной обстановке, Вы уверенно прошли испытание на мужество и стойкость, проявили высокие морально-политические и психологические качества. Глубокое понимание личной ответственности за порученное дело помогло Вам внести достойный вклад в дело ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

Выражаем Вам сердечную благодарность за образцовое выполнение патриотического долга перед Родиной.

Командир войсковой части

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
Заместитель командира
по политической части
ПОЛКОВНИК

В. ПАРАФЕИНИКОВ

В. ПРОСКУРИН

« 28 » октября 1986 г.

